

СВИДЕТЕЛЬ—ЖЮЛЬ РУА

Книги об Алжире появляются во Франции все чаще (и все чаще конфискуются).

Совсем недавно правительство запретило издательству «Менюи», которое гордится тем, что неоднократно издавало книги на эту тему, выпустить в свет воспоминания солдата Ноэля Форельера, озаглавленные «Пустыня на рассвете». Автор ее рассказывает, как он пришел к мысли о необходимости дезертировать...

Война так вошла в плоть и кровь всех книг об Алжире, что уже нельзя читать без чувства неловкости роман, действие которого разворачивается в этой стране, но внутренние проблемы мусульманского общества преподносятся так, словно войны вообще не существует. Именно к такого типа произведениям принадлежит роман «Зубейда»¹ Габриэля Эстиваля, чей талант проявился с гораздо большим блеском в романе «Нет коня для Хамиды»...²

Правда об алжирской войне настолько вопиющая, что она проникает даже в такие отвратительные книги, как «Бесплатная переправа» Жака Малори³. Эта книга — своеобразное доказательство от противного. Рассказчик — офицер, который находит, что ему не дают возможности развернуться на войне до конца. «Приказы требуют, чтобы мы были ангелами», — жалуется он.

Но об Алжире написаны и другие книги. Они значительнее и бо-

лее достойны отклика. К числу их относится свидетельство Жюля Руа «Война в Алжире»... Мы знаем Жюля Руа. Все, что он скажет против войны в Алжире, будет иметь тем большее значение, что рассуждения этого бывалого человека, участника нескольких войн, выходца из семьи колонистов из Сиди-Мусса, часто весьма далеки от «левого» осуждения колониальной войны. Руа несколько снисходителен к правительству. Он возлагает ответственность за происходящее главным образом на власти города Алжира и на генералов. Он верит в «умиротворение», которое могло бы быть в Алжире делом рук «солдат-апостолов». Подчас он несправедлив и ставит на одну доску более чем вековую колониальную агрессию и алжирский «терроризм»; ему свойственна некоторая ностальгическая тяга к «французскому Алжиру»... Все это придает еще большее звучание той ужасной правде, которую сумел увидеть Жюль Руа, несмотря ни на что, — сумел увидеть, откликнуться на нее всем справедливым сердцем пылкого здравомыслящего француза и рассказать о ней с великим мужеством.

Нищета... Жюль Руа посетил «бидонвили». «Возвращаясь после этого в город, — пишет он, — испытываешь потребность вымыть руки. Стыдишься самого себя и все же делаешь это. Стыдишься купить пачку сигарет — ведь на эту сумму целый день существует семья. Это хлеб для детей, которых ты только что видел, детей с личиками, похожими на цветы, с точеными фигурками, обреченных гнить и умирать в этих трущобах».

Писатель обращается к цифрам:

«Старые рабочие из среды местных жителей после сорока лет труда на фермах зарабатывают 595 франков в день. Даже не 600! В Гамбетте можно пересчитать по

пальцам тех хозяев, которые делают отчисления в кассы социального страхования. Старая женщина, с утра до вечера ухаживающая за шестью коровами на ферме европейцев, получает 50 франков в день. В Константине промышленным рабочим платят 40—50 франков в час, заработная плата сельскохозяйственных рабочих этого района — 300—400 франков в день».

А вот как обстоит дело с расизмом. В годы детства Руа «их (туземцев) еще не называли «крысятами», а давали им прозвище «фиговых чурбанов», видимо, потому, что они любили сидеть у подножия фиговых пальм. После войны 1914—1918 годов их стали звать «козлятами». «...Мне кажется, что у нас дома, — пишет Руа, — к ним относились как к рабочему скоту; с ними обращались хорошо, но они не вызывали никакого сочувствия. Считали, что у них нет тех потребностей, что у нас».

Жюль Руа опротезирует «доводы» расистов. «Для меня, постоянно наблюдавшего, как трудятся эти люди, было всегда удивительным слышать разговоры о безделье арабов». И он рассказывает, как он прозрел, приглашая других последовать его примеру. «Я испытал большое удивление, постепенно осознав, что «фиговые чурбаны» — это люди, похожие на нас, которые смеются, плачут, люди, способные на любовь и ненависть, ревность и благодарность. Простое открытие, скажете вы? Однако мы соотечественники в Алжире, отнюдь не злые люди, не сумели его сделать». Не злые?.. Вероятно, Жюль Руа не всегда хорошо разбирается в дурных и хороших качествах «европейцев» в Алжире. Вот, например, как он характеризует то, «что думают все европейцы в Алжире, за небольшим исключением. Арабы — грязная раса, и наша ошибка в том, что мы обращались с ними по-человечески, и т. д.»

Однако сама книга целиком разоблачает подобную точку зрения. И разве Жан Пелегри, уроженец той же алжирской деревни, что и Жюль Руа, который назвал роман Пелегри «Оливы справедливости» «благородной книгой», не раскрывает перед нами совершенно другие взгляды алжирца европейского происхождения? Между взглядами «великих» колонизаторов (кстати, именно они лучше всего приспособились к войне. Переправив свои капиталы в Швейцарию, они приобретают поместья во Франции и не жи-

Сокращенный перевод рецензии из газеты «Юманите» на книгу Жюля Руа «Война в Алжире». (Jules Roy. La Guerre d'Algérie, Paris, Julliard, 1960).

¹ Gabrielle Estivals. Zoubeida, Paris, Editions du Seuil.

² Gabrielle Estivals. Pas de cheval pour Hamida, Paris, Editeurs Français Réunis.

³ Jacques Malori. Une traversée gratuite, Paris, Gallimard.

вут на своих землях в Алжире) и «мелких» колонизаторов лежит целая пропасть. Пелегри утверждает: «Если бы речь шла только о таких, как мы, уверяю тебя, можно было бы прийти к соглашению с алжирцами». И далее: «В Тасмале (Кабилия) я встретил одного старого колониста-европейца. Проведя несколько дней в городе Алжире, пока царствовал террор, он теперь снова вернулся на свои земли и живет в деревне. Он и его жена — единственные европейцы в деревне. Чего им бояться «крысят»? Они всегда обращались с ними справедливо и гуманно... Он добрый человек. Он говорит на кабийском наречии, как настоящий кабийец. Его радостно приветствуют и обнимают, когда он идет по улице».

Справедливость, хотя этого или нет, является основной движущей силой алжирского национального движения, которое в конце концов утвердит ее. И Жюль Руа умеет это показать на конкретных примерах. В 25 километрах от города Алжира вы уже не чувствуете себя в безопасности. В городах по вечерам приходится вставлять в окна железные щиты. Все население, в том числе и колонисты, платит подать алжирскому правительству. Все алжирцы исполнены солидарности. Один молодой алжирец на заданный ему вопрос ответил: «Если ФЛН (Фронт национального освобождения) призывает меня, я пойду. Пусть я погибну, но пойду. После того зла, что причинила нам Франция, я пойду». И если полковник Руа заявляет, пожалуй, с излишней поспешностью: «В чисто военном отношении можно было бы считать, что ФЛН разбит», то одновременно он показывает, как «эта пыль мятежников остается неуловимой», как «все население становится их сообщниками». Он показывает, как женщины сражаются плечом к плечу с алжирскими солдатами: «И если даже они склонялись к отступлению и уступкам, рядом с ними оказывались женщины, напоминавшие им об их долге. В каждой из них живет Антигона».

И разве не сам Руа предлагает пропагандистскую формулу:

«Феллах, смирись, твое дело проиграно!» «попытайся перефразировать так: «Феллах, вернись! Ты выиграл!» — ибо разве это не правда?»

В сущности для того, чтобы отсрочить — и только отсрочить — наступление неизбежного, проливаются реки крови. Жюль Руа, как и другие, говорит о применяемых французами пытках: «Некая организация в нашей армии, чье имя у всех на устах, но его запрещено произносить, сажает захваченных повстанцев в ванну с электрическими, чтобы добиться показаний».

Ему пришлось познакомиться с деятельностью ДОП, «организации, именуемой своей задачей вырывать признания путем угроз и пыток. Тысячи свидетелей могли бы доказать это, если бы понадобилось». Руа смог измерить масштабы преступлений. В деревне Туджа, обычной алжирской деревушке, по свидетельству Руа, французские войска истребили 1200 жителей... И тем не менее есть люди, желающие сохранить подобное положение вещей. Вот, например, позиция одного капитана. Услышав признание: «Если бы армия узнала, что генерал де Голль заключил соглашение с ФЛН о прекращении огня, то части, действующие в партизанских районах Константины, встретили бы это известие с чувством облегчения», храбрый капитан ответил, что в таком случае он захватил бы эти районы силами своих людей. Тот же приверженец твердой концепции «самоопределения» воскликнул: «О! Я все беру на себя. Здесь мы будем голосовать за Францию!»

Рассуждая о возможных решениях алжирской проблемы, Жюль Руа говорит: «Ни одна нация не может долго горевать из-за утраты империи, если взамен она получила конфедерацию друзей!» И в момент, когда во Франции все больше крепнет убеждение, что стране не выпутаться из этой войны иначе, как путем переговоров со сражающимся Алжиром, Руа утверждает: «Для окончания этой войны нужно, чтобы ФЛН хотел ее остановить». И он добавляет: «В противном случае Франция придется еще и через сто лет

держат в Алжире четыреста тысяч человек».

И вот где книга Жюль Руа начинает звучать приподнято. Она становится памфлетом и обвинением, вызовом и одновременно глубокой исповедью, исполненной гуманизма, написанной на высоком литературном уровне в лучшем смысле этого слова. Хотелось бы иметь возможность процитировать все, даже крайние высказывания и спорные идеи, в которых переплелись скорбь, стыд и гнев. Обрушиваясь на вышеназванного капитана, вспоминая деяния армии, пытки, деревню Туджу, ДОП, Руа восклицает: «И это во имя защиты Запада творятся такие преступления? Тогда пусть гибнет Запад, все капитаны, не желающие мира, я сам, их изболител!» Обращаясь к тому же капитану, он оправдывает алжирцев, которые «помнят капитанов, проходивших через их деревни и защищавших со спокойной совестью Запад руками, обгренными кровью». «Между мной и вами, капитан, — заключает Руа, — нет больше ничего общего. Я никогда не буду на вашей стороне в Алжире, и придет день, когда вы увидите среди «крысят» в лохмотьях и рубищах высокого светловолосого бастарда, одной крови с вами. Им буду я. Не испытывайте колебаний. Нажмите на спуск вашего автомата! В этот день вы сослужите хорошую службу делу Запада». И заканчивает призывом к «французам Франции»: «Вы, размышляющие над великими проблемами и страдающие от войны, которая пожирает ваших сыновей, помогите мне, пожалуйста, помешать им умереть в Алжире».

Вот уже шесть лет, как во Франции постоянно стремятся к одному — чтобы настал день, когда идеи мира и справедливости, совпадающие в то же время с подлинными интересами нации, завоюют и воспламят души людей, стоящих далеко за пределами левых группировок, то есть все силы нации, которые, объединившись, смогут заставить услышать свой голос.

АНДРЕ СТИЛЬ